

О новомъ журналѣ.

Начавшій выходить съ конца прошлаго года журналъ „Лѣтопись“ обратилъ на себя вниманіе широкихъ круговъ русскаго общества. И дѣйствительно: горьковскій журналъ, какъ называютъ „Лѣтопись“ въ Петроградѣ, представляетъ собою довольно яркое явленіе въ области нашей „толстой“ журналистики. Во всѣхъ его отдѣлахъ—художественномъ, политическомъ, экономическомъ и другихъ, есть видныя имена, которыя въ глазахъ русской читающей публики пользуются большою извѣстностью. Таковы: прежде всего, самъ Максимъ Горькій, создатель и вдохновитель журнала, хотя официально его издателемъ является А. Н. Тихоновъ, а редакторомъ А. Ф. Родзиневскій. Имя большого писателя уже само по себѣ выдѣляетъ тотъ журналъ, съ которымъ оно связано. Въ декабрѣ прошлаго года Максимъ Горькій въ „Лѣтописи“ напечаталъ много назумѣвшую статью „Двѣ души“, *) которая въ свое время вызвала около себя большіе споры о существѣ Запада и Востока. Въ этомъ году начиная съ января, въ журналѣ идетъ печатаніе большой авто-биографической повѣсти Горькаго „Въ людяхъ“. Горькій—самородокъ, съ детскихъ лѣтъ пошедшій въ ужасную школу униженій, оскорбленій и издѣвательства надъ человѣческой личностью, здѣсь представитъ передъ нами во весь ростъ своей сильной, официальной и талантливой индивидуальности. Читатель горьковской автобиографіи глубоко увѣруетъ, что человѣкъ, прошедшій черезъ сѣ преграды и препятствія, какія стояли на пути нашему писателю, долженъ быть религіозно-человѣкомъ. Стремленіе къ книгѣ, къ науцѣ, къ свободной человѣческой мысли, все огульной разрѣшить и все оправдать, у мальчика-подмастерья Алексея Пѣшкова, это—нагоящая жажда, которую испытываетъ человѣкъ, когда ему мучительно—долгое время придется обходиться безъ воды и влаги.

„И грустно, и смѣшно вспоминать, сколько тяжелыхъ униженій, обидъ и тревогъ“, говоритъ Горькій, „принесла мнѣ быстро вспыхнувшая страсть къ чтенію“. Покупая всякую книжечку дребедень у лавочника на послѣднюю копейку, какая оставалась у будущаго русскаго писателя, онъ, однако, тщетно въ ней искалъ отвѣтовъ на тѣ вопросы, которые неотступно стояли въ его мозгу. Книги болѣе серьезнаго характера, направлявшія юношескую мысль на темы философскія и общественныя, успокоили мальчика массою новыхъ мудреныхъ словъ, смысла которыхъ онъ не понималъ, но интуитивно чувствовалъ, что въ нихъ—ключъ къ тайнѣ тайны и уразумѣнію чего-то новаго, важнаго и значительнаго. Самъ Горькій такъ описываетъ это свое состояніе: „...я многого не могъ понять, и это меня мучаетъ. Иногда въ мнѣ вонзаются какія-то странныя слова—„меланхолическій“, „хиллазмъ“, „чартистъ“—они не-

стеснило беспокоить меня, растутъ чудовищно, все заслоняютъ, и мнѣ кажется, что я никогда не пойму ничего, если мнѣ не удастся открыть смыслъ этихъ словъ,—именно они стоятъ сторожами на порогахъ всѣхъ тайнъ. Часто цѣлыя фразы долго живутъ въ памяти, какъ заноза въ пальцѣ, мѣшая мнѣ думать о другомъ“.

Рисуя свою жизнь, полную мрака и ужаса, Максимъ Горькій рассказываетъ о томъ, какъ однажды его наказали за то, что онъ не досмотрѣлъ за самоваромъ, когда хозяевъ не было дома. Мальчикъ въ кухнѣ поставилъ самоваръ, а самъ пошелъ убирать комнаты. Тѣмъ временемъ хозяйскій ребенокъ преспокойно вытащилъ изъ самовара кранъ и усѣлся имъ играть подъ столъ. „Я еще въ комнатахъ“, говоритъ Горькій, „услыхалъ, что самоваръ гудитъ неестественно гнѣвно, а войдя въ кухню, съ ужасомъ увидѣлъ, что онъ весь посинѣлъ, и трясется, точно хочетъ подпрыгнуть съ пола. Отпавшая втулка крана уныло опустилась, крышка съѣхала набокренъ, изъ-подъ ручекъ стекали капли олова,—лиловато-синій самоваръ казался вдребезги пьянымъ. Я облилъ его водою, онъ зашипѣлъ и печально развалился на полу. Позволили на парадномъ крыльцѣ, я отперъ двери и на вопросъ старухи—готовъ-ли самоваръ, кратко отвѣтилъ:

— Готовъ.

Это слово, сказанное, вѣроятно, въ смущеніи и страхѣ, было принято за насмѣшку и усугубило наказаніе. Меня избили. Старуха дѣйствовала пучкомъ сосновой лучины, это было не очень больно, но оставило подъ кожей синяки множество глубокихъ занозъ, къ вечеру спина у меня вспухла подушкой, а въ полдень на другой день хозяинъ принужденъ былъ отвезти меня въ больницу.“

Все это, какъ видите, описано со свойственной Горькому яркостью, рѣзкостью и коморомъ. Повѣсть его, еще теперь не оконченная, общается, быть большой и, несомнѣнно, даетъ много цѣннаго, не только въ чисто-художественномъ отношеніи, но также и для пониманія глубоко интересной личности большого русскаго писателя.

Въ пятой книжкѣ журнала интересенъ рассказъ Г. Вяткина „Въ селѣ Успенскомъ“. Темнота деревенская, которая причудливо переплелась съ религіозными чувствами простаго народа, составляетъ содержаніе этого рассказа. Къ сожалѣнію, доподлинной жизнью въетъ тамъ отъ образа любящаго почитать архіерея, исповѣдующаго въѣмъ существомъ своимъ мысли Писанья, что „міръ во злѣ лежитъ“. Жалуются владика студенту, сыну священника, въ домъ котораго ему пришлось остановиться, что мучатъ его по ночамъ грѣшныя сны. И какими вооше грѣхомъ, грѣхомъ невѣжества и темноты, обросла въ рассказѣ Вяткина вся деревенская жизнь... Даже религіозное чувство простаго народа, такъ стихійно сказывающееся въ день праздника св. Пантелеймона, перемишалось съ дикостью и жестокостью, и бессильна оказалась борьба студента Сережи противъ злыхъ роковыхъ началъ деревенской жизни.

Заслуживаетъ вниманія въ пятой же книжкѣ

журнала небольшой рассказъ Ив. Бунина „Казимиръ Станиславовичъ“. Какой-то таинственностью весь онъ окутанъ, и глубоко жуткое чувство испытываетъ читатель отъ этого силуэта „бышлага“ челоѣвка, которымъ въ бунинскомъ рассказѣ является Казимиръ Станиславовичъ. Несчастный алкоголикъ, потерянный челоѣвкъ въ своихъ глазахъ и въ глазахъ другихъ, онъ, получивъ какую-то таинственную телеграмму о свадьбѣ своей дочери, ѣдетъ въ Москву и переживаетъ въ своей душѣ необычайное стремленіе къ праздничной и солнечной жизни. Оуществляетъ онъ это стремленіе въ пьяномъ угарѣ, послѣ чего хочетъ покончить съ собой, но у старика не хватаетъ силъ, и онъ, униженный и оскорбленный, только побываетъ въ церкви во время совершения брачнаго обряда и никому не сказавъ о себѣ, уѣзжаетъ изъ Москвы, какъ нищій, выпрашивая на вокзалѣ себѣ денегъ на дорогу.

Рассказъ Бунина—яркое выраженіе ужаса жизни. Онъ тѣмъ болѣе интересенъ, что въ самомъ его настроеніи есть одна оригинальная и рѣдкая черта: Бунинъ здѣсь пишетъ мазками, даетъ лишь край той картины, которая должна рисоваться сознанию читателя, и все-же образъ „бышлага“ челоѣвка, Казимира Станиславовича, въ очертаніяхъ живой и страшной правды стоитъ передъ нашимъ взоромъ.

Даже такой рѣдкительный журналъ, какъ „Лѣтопись“, въ одномъ отношеніи не чуждъ консерватизма: такъ ужъ издавна повелось, что въ литературныхъ журналахъ считается необходимымъ помѣщать стихотворный матеріалъ. Самъ по себѣ этотъ обычай цѣненъ и важенъ, но его цѣнность пропадаетъ, когда печатаемые стихи, оставаясь стихами, заключаютъ въ себѣ очень мало поэзіи. А это какъ разъ и происходитъ сказать про большую часть „лѣтописныхъ“ стихотвореній. Насколько интересенъ рассказъ Ив. Бунина „Казимиръ Станиславовичъ“ настолько же неинтересно и невыразительно его стихотвореніе „У гробницы Виргилія, весной“. Не лучше, если еще не хуже стихотвореніе Н. Венгрова, большое и гудное: „Солнце въ лужѣ“. Вторая часть этого стихотворенія съ подзаголовкомъ „Россія“ начинается такъ:

„Солнце плыветъ по лужѣ
Въ мохнатыхъ облакахъ...
Душа моя неуклюжая
Вьется въ твоихъ рукахъ...“

Если солнце освѣщаетъ лужу, такъ это, конечно, только хорошо, но если такъ случится, что какой-нибудь поэтъ, напримѣръ, Ив. Бунинъ или Н. Венгровъ со своими стихами попадетъ въ лужу, такъ ужъ лучше пусть онъ въ лужѣ такъ и сидитъ. Будетъ гораздо хуже, когда такой поэтъ попадаетъ изъ лужи, напримѣръ, на страницы такого интереснаго и серьезнаго журнала, какъ „Лѣтопись“.

Въ области общественныхъ и экономическихъ вопросовъ журналъ стоитъ на рѣзкой и непримиримой позиціи. Въ этомъ отношеніи любопытна статья В. Базарова „Текущій моментъ и перспективы“. Экономическое положеніе Россіи ему рисуется въ самыхъ мрачныхъ и печальныхъ краскахъ.

По его мнѣнію, всѣ попытки разрѣшить про-

довольственный вопросъ въ предѣлахъ той программы, какъ она теперь намѣчается, обречены на неудачу. „Съ самаго начала войны“, пишетъ Базаровъ, „мы были очень озабочены вопросомъ о томъ, на сколько мѣсяцевъ хватитъ имѣемъ хлеба, мяса, картофеля, но долгое время никому и въ голову не приходило, что гораздо поучительнѣе было бы исследовать эти вопросы въ примѣненіи къ нашему отечеству, Исключно патристическое убѣжденіе, что „земля наша велика и обильна“, положительно загнило и привело всѣ головы: и бюрократическія, и ученые“. Авторъ статьи полагаетъ, что наиболѣе рациональнымъ выходомъ въ вопросѣ мясномъ является отнюдь не установленіе трехъ „мясопустныхъ“ дней въ недѣлѣ, а установленіе нѣмецкой карточной системы, но при этомъ Базаровъ дѣлаетъ такую оговорку: „Да и нѣмецкая карточка при нашихъ организационныхъ талантахъ и нашихъ административныхъ традиціяхъ едва-ли привела бы къ чему-нибудь, кромѣ усугубленія продовольственной неурядицы“.

Переходя къ вопросамъ болѣе общимъ, Базаровъ отмѣчаетъ всеобщее обѣдненіе страны, вызванное войной, и думаетъ, что даже тѣ государственныя монополіи, которыя были проецированы бюджетной комиссіей Государственной Думы, окажутся неосуществимыми, такъ какъ онъ, по его мнѣнію, встрѣтитъ сильное сопротивление со стороны заинтересованныхъ торгово-промышленныхъ сферъ. Базаровъ очень пессимистически смотритъ и на возможные послѣдствія привлеченія къ намъ иностранныхъ капиталовъ, о чемъ теперь говорятъ съ такимъ горячимъ упованіемъ: „Привлеченіе иностранныхъ капиталовъ, на которое возлагаютъ такіа надежды“, говоритъ онъ: „намъ не удастся осуществить иначе, какъ въ формѣ „концессій“, до сихъ поръ въ Европѣ не практиковавшихся, но чрезвычайна обычныхъ въ Китаѣ, Персіи и другихъ странахъ родного намъ Востока“.

Особенно предостерегаетъ Базаровъ отъ привлеченія въ Россію иностранныхъ капиталовъ еще и потому, что онъ убѣжденъ въ возможности появленія права „экстерриториальности“, которое будетъ сопровождать всякія американскія или какія другая у насъ концессіи. По его мнѣнію, такая перспектива гораздо реальнѣе и трезвѣе, чѣмъ различные проекты использования проливовъ и пробоушеній на Ближнемъ Востоку. „Лѣтописный“ экономистъ вообще пролизируетъ надъ нашей „любовью къ дальнему“ и способностью забывать ближнее. По словамъ Базарова, мы были гораздо болѣе заняты замкнутыми относительно грозящаго Берлина голода, чѣмъ изученіемъ своей собственной продовольственной пужды и обратили на нее вниманіе только тогда, когда она докатилась до нашихъ кухонь.

Во всѣхъ теоретическихъ построеніяхъ, которыя нынѣ стараются намѣтить путь хозяйственно-экономической производительности страны, Базаровъ, какъ оппозиционно-настроенный максимистъ, конечно, не видитъ спасенія изъ создавающагося положенія. Вотъ почему онъ, залавая себѣ горьковскій вопросъ изъ указанной выше статьи писателя „Двѣ Души“: „Востокъ мы, или Западъ?“ исторически рѣша-

отъ его такъ: „Поклонники нашихъ само-бытныхъ началъ получаютъ, наконецъ, несомнѣнное, какъ дважды-два четыре, ясное доказательство того, что мы отнюдь не Европа, но самая подлинная Азія“.

Интересна статья Ник. Суханова, помещенная тоже въ пятой книгѣ журнала: „Россия и ея союзники“. Здѣсь авторъ съ цифрами въ рукахъ выясняетъ постепенный ростъ милитаризма въ Европѣ во всѣхъ нынѣ воюющихъ государствахъ и указываетъ, съ какой желѣзной необходимостью сложились тѣ международныя конъюнктуры, которые нынѣ представлены, какъ различные союзы и согласія. Статьи Базарова и Ник. Суханова очень характерны для горьковского журнала въ области общественно-политической: здѣсь не только видна рѣзкая оппозиционность, обычная для нашихъ толстыхъ журналовъ, но еще чувствуется тотъ особый «уклонъ мысли, какой лучше всего назвать современнымъ западничествомъ, которое ставить своей задачей отрицаніе ветхихъ и бездѣятельныхъ началъ дряхлаго Востока и приобщеніе Россіи къ культурному творчеству Запада, какъ оно, будучи очищено отъ примѣсей капиталистическаго строя, рисуется свободолубивому демократическому сознанию. Въ прямой связи съ общимъ направлениемъ журнала стоятъ статьи В. Симпльтона, полныя сатиры на русскую жизнь и неискрапаемаго юмора—„Письма знатнаго иностранца.“ Знатный англичанинъ В. Симпльтонъ прѣхалъ въ Россію съ цѣлью изученія нашей національной жизни. Всему онъ здѣсь безконечно удивляется, все находитъ не такимъ, какъ въ Англіи, и ничего понять не можетъ. Попалъ сэръ Симпльтонъ въ Москву, и захотѣлось ему посмотреть солидную русскую буржуазію. Его направили въ извѣстный каждому москвичу ресторанъ Марьяныча. Но тамъ онъ услышалъ отъ представителей русской буржуазіи такіе разговоры, въ которыхъ честность, право и законъ не только не занимаютъ никакого мѣста, но, какъ разъ наоборотъ, являются наиболее враждебными препятствіями, и умѣніе обойти ихъ оказывается высшей похвалой для каждаго дѣятеля. Попадаетъ этотъ знатный иностранецъ—съ той же цѣлью изученія русской жизни—въ одно большое село на базаръ, и онъ никакъ не можетъ понять нравовъ нашей деревни. Самый процессъ купли и продажи здѣсь идетъ настолько самобытно и оригинально, что англичанинъ тутъ уже совершенно не въ состояніи ориентироваться. Покупатель, по словамъ сэра Симпльтона, торгуя товаръ, постоянно апеллируетъ къ Богу, совѣсти и къ другимъ высокимъ, а иногда и очень низкимъ сюжетамъ.

„Какъ вы видите, Джекъ“, пишетъ сэръ Симпльтонъ своему другу въ Англію о впечатлѣніяхъ русской жизни: „коммерческій ритуалъ здѣсь очень сложенъ и не можетъ не отнимать много времени. Законъ спроса и предложенія обрастаетъ элементами богословскими—„побойся Бога“, моральными—„совѣсть-то, совѣсть-то гдѣ у тебя?“, социальными—„а барину-то давеча за сколько отдашь?“, психологическими—„дурь де-

ревенская“, историческими—„сорогъ пять летъ на свѣгѣ живу, а такихъ цѣнъ на слыхивалъ“ и эстетическими—художественными, но неудачными для печати стилъ. Торгъ превращается въ диспутъ, а диспутъ затрагиваетъ всѣ стороны чело-вѣческаго бытія“. Самъ сэръ Симпльтонъ попробовалъ очень быстро, съ чисто-английскаго манерой, купить на базарѣ въ этомъ селѣ попавшійся ему боченокъ и окончилъ при этомъ торгъ въ полминуты, но этотъ боченокъ на слѣдующій день автоматически разсыпался.

Очень любопытно одно приключеніе, которое случилось съ сэромъ Симпльтономъ въ Москвѣ на Воздвиженкѣ. Проходи по этой улицѣ, онъ остановился около двора Морозова и сталъ разсматривать это замѣчательное зданіе. Но его вниманіе было отвлечено проезжавшимъ по улицѣ средъ бѣлаго дня злобнымъ обозомъ. „Посреди улицы“, рассказываетъ сэръ Симпльтонъ, „врядъ бѣжали черныя просмоленныя бочки. Ихъ везли живогныя, настолько исхудавшія, что трудно было опредѣлить, къ какой породѣ животныхъ они нѣкогда принадлежали. Впереди на высокихъ козлахъ сидѣли люди въ костюмахъ эскимосовъ съ бурожелтыми лицами и такими же руками; должно быть, это происходить отъ сала, которымъ съверие смазываютъ тѣло, чтобы защититься отъ холода. Время отъ времени люди дѣловито тыкали въ крикъ животныхъ заостренными палками—это было, по видимому, единственное средство, заставлявшее животныхъ двигаться. Эскимосы привѣтливо перекликались и рассказывали другъ другу о чей-то матери. Въ воздухѣ пронеслась густая струя невыносимаго зловонія. Прохожіе поднесли платки къ носу и ускорили шагъ...

Обозъ внезапно остановился: переднее животное споткнулось на ухабѣ и упало. Эскимосы слѣзли съ козелъ и крича что-то о матери, стали тыкать его въ бокъ заостренными палками. Подошли два дворника и тоже заговорили о матери. Подошелъ полицменъ и тоже заговорилъ о матери. Подскочилъ мальчишка газетчикъ и тоже заговорилъ о матери. Всѣ говорили о матери, и, какъ мнѣ показалось, никто не говорилъ о сути“.

Обращаясь къ одной дамѣ, рассказывавшей ему о планѣ двора Морозова, сэръ Симпльтонъ сказалъ: „Рагдон, мадамъ,—объясните мнѣ, какое отношеніе имѣетъ мать какого-то человека къ этому несчастному случаю? И въ чемъ, собственно, ее обвиняютъ?“

„Это—это одна русская поговорка, которую трудно перевести“, сказала дама, слегка покрасивъ.—„Вообще, это не стоитъ вниманія“.

Такъ, должно быть, сэръ Симпльтонъ и не пойметъ русскую жизнь: она особенная, на англійскую не похожая, самобытная, несравнимая.

И, видимо, горьковская „Лѣтопись“ со своимъ ярко выраженнымъ западничествомъ, которое стоитъ на такой позиціи отрицательной оцѣнки русской дѣйствительности. Въ этомъ журналѣ имѣетъ и общественный смыслъ: въ социально-политической оцѣнкѣ, творчество новыхъ, лучшихъ національных формъ не должно забывать и отрицательныхъ сторонъ русской жизни, въ ея прошломъ и настоящемъ.

БОРИСЪ ЛАВРОВЪ